

УДК 94(47)

В статье рассматриваются особенности социальной пропаганды, проводившейся в России в послереволюционный период. Внимание акцентируется на ряде идей, положенных в основу социальной пропаганды и направленных на коренное преобразование общества – женской эмансипации, реформе семьи, быта, воспитании «нового человека». Кроме того, показана роль пропаганды в решении насущных проблем, в частности в организации общественной помощи детям.

Ключевые слова: Советская Россия; социальная пропаганда; женская эмансипация; новая мораль; общественная помощь.

The article discusses the features of social propaganda, held in post-revolutionary Russia. The author's attention focuses on a number of ideas that formed the basis of social propaganda and aimed at a radical transformation of society – women's emancipation, reform of family life, the education of the "new man." In addition, it shows the role of propaganda in solving urgent problems, particularly in the organization of social care for children.

Keywords: Soviet Russia; social propaganda; emancipation of women; new morality; public assistance.

Н. В. Рябинина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: yarnatal2010@yandex.ru

Социальная пропаганда в Советской России в 1917–1920-е годы: идеи, формы, результаты

Научная статья

N. V. Ryabinina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: yarnatal2010@yandex.ru

Social Propaganda in Soviet Russia in 1917–1920-ies: Ideas, Forms, Results

Scientific article

Официальная пропаганда играет огромную роль в политике государства. Она призвана настроить людей на позитивное отношение к правящей власти и проводимому ею курсу. В отличие от репрессивных мер, которые нередко приводят к озлоблению населения и формированию оппозиции, грамотно организованная пропаганда бывает гораздо более эффективной. Она позволяет не просто запугать или заставить, а убедить людей в необходимости реализации именно такой политики, призвать не за страх, а за совесть поступать так, как нужно власти, предотвращая проявления недовольства положением в стране.

В Советской России, кроме пропаганды общеполитических целей и задач, значительное влияние имела социальная пропаганда. В эпоху, когда строилось принципиально новое государство, любое направление политики было проник-

нуто революционными настроениями, которые должны были найти отклик в народных массах. Социальная жизнь менялась в это время не менее кардинально, чем политическая и экономическая сферы. Происходила трансформация представлений о роли женщины в обществе, шел процесс разложения «домостроевской» семьи и создание семьи нового типа, воспитание детей поручалось государственным учреждениям и должно было соответствовать нормам новой морали. Об этом писали основоположники марксизма и большевики. Октябрьская революция 1917 года дала возможность развернуть массовую пропаганду для реализации их идей на практике.

Средствами пропаганды стали периодические издания, плакаты, транспаранты, в значительных количествах появившиеся на улицах городов, агитпоезда и агитпароходы, театр, кино, лекции

© Рябинина Н. В., 2015

в трудовых коллективах, различные съезды и конференции. Все общеобразовательные учреждения – от детсадов до ВУЗов, от изб-читален в деревне до рабочих клубов в городе – становились пропагандистскими центрами [1]. Ежедневно получая порцию официальной пропаганды, не имея альтернативных источников информации, значительная часть населения проникалась новыми идеями и лозунгами.

Наиболее радикальную программу предлагала А. М. Коллонтай. Она имела возможность совмещать теоретическую деятельность с пропагандой своих идей, являясь членом редакции журнала «Коммунистка», заведующей женотделом ЦК РКП(б), членом международного женского секретариата Коминтерна. Кроме того, она способствовала воплощению революционных взглядов на практике, занимая в правительстве пост наркома соцобеспечения.

Развивая идеи женской эмансипации, Коллонтай выступала за полное равенство женщин с мужчинами во всех сферах жизни: политической, экономической, семейной. Женщина должна была стать независимой, самодостаточной личностью, имеющей право на выбор своего пути и спутника жизни. «Новая женщина» должна стоять на собственных ногах, иметь свой заработок, должна перестать «зависеть от частного предпринимателя, от мужа-кормильца» [2, с. 145].

Уничтожение частной собственности, по ее мнению, влекло за собой и упразднение класса тунеядцев. В «...ново-формирующемся мире труда – нет места для женщин паразиток, для благополучных содержанок своих мужей и любовников, для профессиональных проституток. "Кто не трудится – тот не ест!"» [2, с. 145]. Но А. М. Коллонтай отмечала, что трудовая повинность без реформы быта – мероприятие, ведущее к еще большему обременению женщины. Организация быта – «постепенное внедрение начал коллективизма в женский обиход, начиная от широко развитой сети домов-коммун и кончая яслями и починочными мастерскими – самый верный способ поднять производительность труда рабочих и в особенности работниц» [2, с. 147]. Она призывала прекратить «нецелеобразную растрату женских трудовых сил», направленных на житейские заботы, и использовать энергию миллионов «женщин-производительниц» на общественное благо. «Отделе-

ние кухни от брака», – писала А. М. Коллонтай, – великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере, в исторической судьбе женщины [2, с. 168].

Осуществление указанных мероприятий создает, по мнению А. М. Коллонтай, и новые взаимоотношения между полами. В работах «Семья и коммунистическое государство», «Положение женщины в эволюции хозяйства» [2; 3] и др. она доказывала, что традиционная форма семьи себя изжила. По ее мнению, семья теряет свои функции еще при капитализме, поскольку исчезают основы, на которых она держится: «общее и нужное» для всех членов семьи хозяйство, экономическая зависимость женщины от мужа-кормильца и необходимость заботы о детях. Мелкое домашнее хозяйство уже не производит каких-либо материальных ценностей, это становится областью крупной промышленности. Мужчина перестает быть единственным кормильцем семьи, жена идет на производство. И, наконец, воспитание детей в пролетарских семьях, в связи с трудовой занятостью матери, предоставляется улице, а в имущих – наемным няням.

В послереволюционном обществе, по мнению А. М. Коллонтай, от функций традиционной семьи еще остается ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, но государство должно освободить женщину от этого бремени. Как уже отмечалось выше, домашний труд планировалось заменить эффективным общественным обслуживанием, а для этого необходимо было создать многочисленные столовые, кухни, прачечные. «Оплакивать» исчезновение домашнего хозяйства, считает А. М. Коллонтай, не нужно: жизнь женщины от этого станет «богаче, полнее, радостнее и свободнее» [3, с. 15–16].

Забота о детях – последняя опора традиционной семьи – также, по мнению наркома, должна быть возложена на государство. На детских площадках, в яслях, в детских садах за детьми будут присматривать опытные педагоги. Школьники получают образование, бесплатное жилье в общежитиях и детских домах, питание, одежду, учебники. Коммунистическое общество, с точки зрения А. М. Коллонтай, не собирается отнимать детей у родителей или насильно разрушать семью. Оно возьмет на себя лишь «материальную обузу воспитания детей», радость же отцовства и материнства оставит тем, кто способен ее пони-

мать и чувствовать. Дети будут жить в коллективах, а родители, решившие участвовать в их воспитании, научатся не делать разницы между «твоими и моими» детьми, а помнить, что есть лишь «наши дети, дети коммунистической трудовой России». «Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республики «Будь матерью не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян», должен научить трудящихся женщин по-новому подходить к материнству» [2, с. 173].

Подобные идеи по-разному воспринимались населением. Например, на Первом Всероссийском съезде работниц в 1918 г., под влиянием взглядов А. М. Коллонтай, было принято решение «немедленно же и в самых широких размерах осуществить ту сеть мероприятий и насадить те учреждения, которые переключают на пролетарское государство все прежние обязанности работниц» [4, с. 217]. По всей стране небывало быстрыми темпами стала создаваться не только сеть дошкольных учреждений, но и детских домов, где должны были воспитываться сироты, беспризорные и дети из обычных семей [5]. Если в 1917 г. в детдомах находилось 25 тыс. детей [6, с. 183], то в 1921 г. – около 200 тыс. [7, с. 24–25, 28]. В подавляющем большинстве дети, имевшие семьи, попадали в детские дома из-за тяжелого материального положения. Иногда срабатывала проводимая пропаганда: родители писали в заявлениях о приеме детей в детский дом, чтобы их «воспитали как молодую силу Российской республики» [8].

Распространение столь радикальных взглядов имело и обратный эффект. Родители боялись отдавать детей в советские воспитательные учреждения, даже в ясли и детские сады, хотя остро в них нуждались. В Наркомпрос поступали прошения со многими подписями, где женщины «умоляли сжалиться над ними и не забирать у них ребят» [9, с. 125]. Аргументация их была простой: «заберут детей, а назад не отдадут» или «уведут, запишут в коммунисты». Иногда на местах принимались решения, что первыми понесут «своих ребятшек в ясли коммунистки и женделегатки» [10].

Чтобы рассеять возникающие опасения и заручиться поддержкой общественности, важно было правильно организовать пропаганду. Эта работа должна была заключаться в распростра-

нении популярной литературы – брошюр и ленточек, содержащих в себе сведения о значении и целях дошкольного воспитания, о практической деятельности в данной области; в организации соответствующих лекций, докладов, передвижных показательных выставок, дошкольных музеев. В них путем представления различных пособий, материалов, развивающих игрушек, детских работ демонстрировалось историческое и современное развитие дошкольного дела.

Еще одно направление социальной пропаганды было связано с организацией помощи нуждающимся. Советские идеологи негативно относились к благотворительной деятельности. Она связывалась со старым строем и социальным неравенством, причем такой подход существовал не только на заре Советской власти. Он сохранялся и в дальнейшем. В Большой советской энциклопедии было дано следующее определение благотворительности – это помощь, «лицемерно оказываемая представителями господствующих классов... некоторой части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы» [11, с. 278].

Вместо «отвлеченных» идей гуманизма и милосердия стала пропагандироваться общественная помощь трудящегося населения нетрудоспособным гражданам. Логика была следующей: человек, способный трудиться, должен стремиться к самостоятельности и самообеспечению, не унижая свое достоинство подачками. Введенная в 1918 г. трудовая повинность, лозунг «Кто не работает, тот не ест» базировались на этих идейных принципах. Что касается обеспечения нетрудоспособных: детей, престарелых, инвалидов и т. п., то о них должно позаботиться государство. Однако социалистическое и тем более коммунистическое общество не может быть построено мгновенно. На пути к созданию общества социальной справедливости и благополучия придется преодолеть множество трудностей. Во время войны, послевоенного восстановления хозяйства, перед лицом каких-либо иных кризисных явлений сознательные советские граждане не только могут, но и должны всемерно помогать государству в обеспечении нуждающихся: общественные интересы должны быть выше личных. Таким образом, шло формирование нового типа личности, обладающей вполне конкретным набором качеств, которые определяла

правящая партия. Применительно к Советской России, даже при организации помощи, правильной говорить об использовании не социальной рекламы, которая вне политики и ориентируется на общечеловеческие ценности, а социальной пропаганды.

Примеров подобной деятельности можно привести немало. С начала 1920-х гг. широко практиковалось проведение особых акций – «недели помощи голодающим», «недели охраны материнства и младенчества», «недели помощи беспризорным детям» и т. п. Проводились они как в масштабах страны, так и отдельных губерний. Так, например, в декрете ВЦИК «О проведении недели ребенка» от 4 ноября 1920 г. указывалось, что цель этого мероприятия заключается «в пропаганде и помощи нуждающимся детям Советской Республики». В рамках его необходимо было «призвать трудящееся население к добровольному пожертвованию всего относящегося к питанию детей и снабжению их предметами первой необходимости» [12].

Как правило, проведению подобных акций предшествовала подготовительная кампания, во время которой на фабриках и заводах читались специальные лекции, доклады, организовывались выставки агитационных плакатов, публиковались статьи в газетах и журналах, начинался производиться сбор средств. В течение «недели» осуществлялись обследования детских учреждений, медицинские осмотры детей, «санитарная очистка детских учреждений путем мобилизации гужевого транспорта и ремонтных рабочих», снабжение их дровами, мылом, продуктами питания [12]. Население привлекалось к участию в акции путем сбора денежных пожертвований, продуктов, одежды в пользу детей. С целью сбора средств устраивались вечера, концерты, спектакли, лотереи, демонстрации фильмов. Люди действительно откликались на призывы и активно участвовали в проведении указанных мероприятий, хотя их собственное материальное положение было очень тяжелым.

Однако в рамках акций могла быть оказана лишь кратковременная помощь, а государственное обеспечение детских учреждений в данный период было крайне скудным. Все возможные средства направлялись на подъем экономики после Гражданской войны. Временным выходом из ситуации становится активное привлече-

ние к делу общественности. Пропагандистские кампании призывали к организации системы шефств предприятий и учреждений над яслями, детскими садами, детдомами, и результат был неплохим. Рабочие и служащие начинали отчислять часть своего заработка в помощь подшефным учреждениям. Например, работники Ярославской прядельно-ткацкой фабрики в 1922 году передавали 10 % от своей зарплаты на содержание детского сада, яслей и детдома [13]. И таких примеров по стране огромное количество.

Практиковалось проведение субботников с отчислением средств на нужды детей. Нередко они приурочивались к празднованию 8 марта [14]. Помощь детским учреждениям рассматривалась и как помощь женщинам, предоставление им возможности совмещать труд с материнством.

Во второй половине 1920-х годов, несмотря на некоторую стабилизацию ситуации в экономике, общественная помощь, организованная государством, не только не уменьшается, а даже растет. В связи с сохранением в Советской России таких негативных явлений, как детская беспризорность, преступность, стали создаваться добровольные общественные объединения «Друг детей», «Друг беспризорного ребенка». Подобные организации должны были привлечь к работе по улучшению жизни детей максимально широкий круг населения. Именно в этом заключался успех их деятельности. Для оказания помощи нужны были средства, и чем шире был состав организации, тем больше было возможностей для формирования существенного денежного фонда. Пополнение фондов могло происходить из нескольких источников: из членских вступительных и периодических взносов, добровольных пожертвований, доходов от проводимых концертов, лекций, спектаклей, от обработки выделенных этим организациям земельных участков, исполнения общественных работ. Хотя формально они считались самостоятельными и чисто местными общественными структурами, однако их Уставы и разного рода инструкции издавались Деткомиссией при ВЦИК – межведомственным государственным органом [15]. Четкий контроль со стороны государства наблюдался на всех этапах деятельности.

Кроме названных общественных структур, подобные органы начинают создаваться и при каждом детском учреждении: советы

дошкольных учреждений – при детских садах и очагах, советы социальной помощи – при детских консультациях, ясельные комиссии – при яслях [16]. В их задачи входило содействие работе учреждения, связь с другими общественными организациями. К участию в работе приглашались сотрудники учреждения, представители от родителей, партийных органов, делегаты от женотделов, фабзавместкомов, представители ячеек «Друг детей», Российского общества Красного Креста, РКСМ [17].

В конце 1920-х годов начинают наблюдаться новые тенденции. Изменение политического курса, свертывание НЭПа и переход к индустриализации и коллективизации существенно повлияли на социальную сферу. Социальная пропаганда становится более агрессивной. Каждый человек, согласно установкам партии, должен был внести вклад в развитие страны, приложить все свои силы для скорейшего развития экономики, построения нового общества. Ударные методы работы стали практиковаться не только на стройках пятилеток, но и при решении социальных проблем.

С 1927 г. в отчетах Деткомиссии при ВЦИК отмечалось повсеместное оживление работы по борьбе с беспризорностью, «ударно-плановое ее проведение». Помимо обычных методов, практиковавшихся отделами народного образования, стали проводиться особые кампании, имевшие своей целью «полное массовое изъятие с улиц беспризорных детей в пунктах их наибольшего скопления» [18]. Осуществлялись акции специально организованными общественными дружинами или представителями различных организаций – Детской социальной инспекции, «Друг детей», «Друг беспризорного ребенка». В 1927 году количество уличных беспризорных, не охваченных ни одним из видов социальной помощи, составляло по РСФСР – 75 000 человек [18], а к концу 1928 года – около 15 000 человек [19].

Для развития системы дошкольного воспитания в 1928 году в Красноярске был выдвинут почин широкого общественного движения, который был назван «дошкольным походом». Он был подхвачен в других районах, а в июле 1929 г. объявлен по всей республике [20, с. 31]. Решить проблему нехватки дошкольных учреждений предлагалось не за счет увеличения государ-

ственного финансирования, а путем привлечения к этому делу всех слоев населения, развития самых разных форм дошкольных учреждений, в зависимости от наличия средств и конкретной ситуации. «Надо устраивать детские сады в складчину, принимая туда всех детей работниц, – писала Н. К. Крупская, – каждый может сделать многое для детского сада». Школьники, по ее мнению, могли бы делать игрушки для малышей, устраивать праздники. Пионеры – дежурить в детском саду, помогать техническим служащим мыть посуду, прибирать, помогать руководителям проводить занятия, играть с детьми. Работницы и крестьянки могли бы установить дежурство по работе в детском саду, шить и чинить белье, одежду для детей и т. д. [9, с. 125].

Как отмечалось в пропагандистских статьях, практически повсеместно за работу взялись ударно. «Вопреки предсказаниям нытиков, скептиков и малoverов, идея "дошкольного похода" нашла живой отклик в массах. "Дошкольный поход" превратился в мощное общественное движение, разбивающее рамки аппаратного фетишизма и показал невиданные доселе формы инициативы масс» [21, с. 110].

Результаты были неоднозначными. С одной стороны, можно констатировать успехи: число беспризорных детей сокращалось, количество детских учреждений росло. Однако, с другой стороны, в условиях «ударности» имели место и серьезные издержки – погоня за количеством, низкий уровень создаваемых учреждений, а рапорты с мест о выполнении заданий далеко не всегда соответствовали действительному положению дел. Несмотря на указанные недостатки, в целом можно констатировать, что социальная пропаганда в Советской России сыграла значительную роль как в формировании самих основ нового общества, так и в решении насущных проблем. Советская власть постепенно культивировала в людях такие качества, как коллективизм, ответственность, трудолюбие, готовность пожертвовать своими интересами ради построения светлого будущего. Каждый гражданин должен был вносить свою лепту в решение социальных проблем, формировать общественное, а не только свое личное благополучие. Подобные взгляды проникали в сознание населения. Люди активно участвовали в проводимых государством акциях, вступали в общественные

организации социальной направленности. Можно по-разному относиться к идеям, которые провозглашала власть, критиковать чрезмерный радикализм некоторых из них, но сами способы организации пропаганды для того времени были действительно эффективными. А главное – наблюдалась огромная заинтересованность государства в развитии этой сферы.

Ссылки

1. Салова Ю. Г. Очерки истории образования в Ярославской области. Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2010. 335 с.

2. Коллонтай А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства. М.: Госиздат, 1922. 208 с.

3. Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. Киев: Всеукраинское издательство, 1919. 20 с.

4. Цит. по: Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 255 с.

5. Рябина Н. В. Детский дом – учреждение будущего? // Родина. 2013. № 6. С. 99–101.

6. Детская беспризорность и детский дом: (сборник статей и материалов Второго Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних). М.: Издательство отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних, 1926. 239 с.

7. Народное образование в СССР: Краткий свод статистических данных за 5-летие, 1921–1925 гг. М.: ЦСУ СССР, 1926. 525 с.

8. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 87. Л. 56.

9. Крупская Н. К. О дошкольном походе // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 6. М.: Изд-во АПН СССР, 1959. С. 125–126.

10. Ногина О. О том, что теперь привычно // Советская женщина. 1957. № 8. С. 38.

11. Большая советская энциклопедия: в 51 т. Т. 5. М.: Большая советская энциклопедия, 1950. 652 с.

12. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1920. № 87, ст. 440.

13. Творческие дни. Ярославль, 1922. 28 мая. С. 1.

14. СУ. 1923. № 13. Приложение.

15. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р – 1682. Оп. 1. Д. 1. Л. 46–51.

16. ГАИО. Ф. Р – 833. Оп. 1. Д. 733. Л. 15–16.

17. ГАИО. Ф. Р – 833. Оп. 1. Д. 874. Л. 66.

18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А – 5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 19.

19. ГАРФ. Ф. А – 5207. Оп. 1. Д. 395. Л. 4.

20. Народное просвещение в РСФСР к 1929/1930 учебному году. М; Л.: Госиздат, 1930. 92 с.

21. Новицкий В. Дошкольный поход // Народное просвещение. 1929. № 12. С. 110–114.

Рис. 1. «Раскрепощенная женщина, строй социализм!»
А. И. Страхов-Браславский, 1926 г.

Рис. 2. «Долой кухонное рабство! Дашь новый быт!»
Г. Шегаль, 1931 г.

Рис. 3. «Митинг детей». А. Комаров, 1923 г.